

Морис БЛАНШО / Maurice BLANCHOT

| Ницше сегодня / Nietzsche, today |

Морис БЛАНШО (1907 – 2003) – французский писатель, литературный критик, философ /

Maurice BLANCHOT (1907 - 2003) - French writer, literary theorist, philosopher

НИЦШЕ СЕГОДНЯ

В этом эссе Бланшо разбирает, как менялась судьба философского наследия Ницше. Вмешательство, которое позволили себе наследники Ницше привело к тому, что его философия стала инструментом в игре, к которой она никакого отношения не имеет. Здесь Ницше оказался «чрезмерен», в том исполнении, когда его имя опускается до площадной политичности, когда его мысль облекают в структуры, ей не свойственные, тогда как он «чрезмерен» в другом, в свободе от болтливости, в строгости к самому себе, в последовательности, вбирающей в себя противоположности.

Ключевые слова: Философия Ницше, нигилизм, воля к власти, политика и философия.

Что нам сегодня делать с Ницше? На первый взгляд, вопрос незначительный: он имеет отношение к истории и к её маленьким частностям. Но дальше мы находим рассмотрение этих частностей у разных толкователей Ницше и в различных интерпретациях его мысли: здесь сплошь великие имена, такие как Ясперс, Хайдеггер, Лукач, Карл Лёвит, Батай, Жан Валь, и

NIETZSCHE, TODAY

In this essay Blanchot explores the destiny of Nietzsche's philosophical heritage. Due to the manipulations interposed by descendants, Nietzsche's philosophy has become a piece in a game in which it has no place. It can be considered that here Nietzsche is "excessive" when his name is cried out in political manifestations and when his thought is enveloped into artificial forms, but it should be admitted that he is also "excessive" in his distance from idle talks, in his self-discipline and in his width of ideas, absorbing all contradictions.

Key words: Nietzsche's philosophy, nihilism, will to power, politics and philosophy.

те, кто ближе к нам по времени – это Финк, а во Франции – Фуко, Делёз, Клоссовски. В итоге этот вопрос помогает нам увидеть, почему мысль о нигилизме, – несмотря на то, что в историческом, политическом и литературном плане она сохраняет свою силу, – кажется, вследствие проверки её временем, достаточно наивной и как бы всё ещё безмятежной грезой о «лучшей эпохе».

Морис БЛАНШО / Maurice BLANCHOT

| Ницше сегодня / Nietzsche, today |

К. Шлехта наделал много шума, публикуя новое издание Ницше и впервые придавая гласности обстоятельства, при которых оно возникло¹. При этом он не говорил ничего такого, о чём бы мы смутно не догадывались. Сказанное им, однако, сопровождалось доказательствами, для нас недостаточными. Сам он, обращаясь в 1934 к Архиву Ницше с целью провести критическую работу, едва ли предполагал, что его ждет. Ницше оказался во власти лжи, лжи намеренной, решительной, иногда утонченной, сводившей свободную мысль к антисемитизму и грубой фальсификации мифологии, якобы возникающей из псевдо-религиозных амбиций. При этом, «подлинный» Ницше с массой неизданных документов тихо покоился в том же здании, где господствовали неразборчивость в методах и недостаток уважения к автору. Чтобы попытаться до него добраться, нужно было войти «в логово старой львицы», роковой сестры Ницше, которой не терпелось поднять флаг своего брата над бойницами тысячелетней империи, принимающей в своем логове как лучших своих гостей самых крупных хищников в истории. Работая в таких условиях, ученые, среди которых Шлехта не был единственным, кто готовил или предлагал составить полное и объективное издание текстов Ницше, ощущали себя не столько тихими филологами, сколько заговорщиками.

¹ Ф. Ницше: Работы в трех томах («Werke in drei Bänden»), опубликованные в 1956-м Карлом Шлехтой (издательство Карла Гансера). Шлехта собрал свои собственные комментарии в небольшой работе, названной «Случай Ницше» («Der Fall Nietzsche») (Munich: Carl Hanser, 1958). Напомню, что опубликованные здесь мысли принадлежат разным периодам в пределах целого десятилетия. После Шлехты вышло (примечательно, что издательством Галлимар и под руководством Колли и Монтинари) издание, способное, в своей целостности и полноте, включающее прижизненные и посмертные тексты, реабилитировать ситуацию.

Эта фальсификация, роковая, но при этом всё чрезмерно упрощающая и поверхностная, как любая политическая фальсификация (Гитлер не понимал ни одной идеи Ницше, что его мало беспокоило), могла бы вызвать разве что незначительный интерес, если бы она не явилась следствием фальсификации более серьезной, затрагивающей саму работу Ницше, и формировавшейся в течение более тридцати лет.

В 1895 года госпожа Фёрстер-Ницше получает от своей матери все права, в том числе, финансовые, на бумаги, составляющие огромное наследство мышления, которое она начинает энергично эксплуатировать. Для начала она отстранила от дела всех настоящих друзей своего брата, остервенело настаивая на их сомнительности, сохранив при себе только бесхарактерного Петера Гаста, который – как единственный человек, способный расшифровать неразборчивые рукописи, – против воли стал реализовывать её неизмеримые амбиции. В 1906, один из тех, кто сотрудничал с ней и Петером Гастом, профессор Хорнёффер, уже сообщал о тех невыносимых условиях, в которых Фёрстер-Ницше заставляла их работать. Объём неизданных текстов был ужасающим. Прежде чем попытаться что-либо издавать необходимо было, по крайней мере, всё прочитать и переписать. Но это требовало большого количества времени, а нужно было публиковать как можно быстрее и чем больше, тем лучше. Нехватка денег, склонность к спектаклям, болезненное желание славы, ожидаемой от соприкосновения с великим именем, которое нужно было сделать модным, не позволяло думать об отдыхе.

Но она хотела большего. Её интерес заключался в том, чтобы сделать из Ницше настоящего философа в том смысле, который придавало этому слову её время, и обогатить его наследие главным трудом, в котором бы были представлены все его

беспорные утверждения, организованные в стройную систему. Поскольку такого труда у Ницше не было, она воспользовалась названием и планом – выбранными среди большого числа аналогичного материала – и, ограничившись ими, упростила своих сотрудников излить, можно сказать, как придётся, массу посмертных фрагментов, извлеченных из совершенно разных записных книжек, большинство из которых содержали тексты, исключенные Ницше из своих более ранних работ. Так появилась «Воля к власти», её первое издание содержало 483 афоризма, второе – за счет знакового расширения – 1067, работа, которая, в конце концов, благодаря своему громкому названию, оказалась одним из важнейших трудов современности.

Таким образом, «Воля к власти» это не работа Ницше. Она создана издателями, сфальсифицирована ими потому что они использовали то, что Ницше записывал в разные годы, когда его захватывали совершенно различные намерения, записывал беспорядочно и бессистемно, – и это представлено нам в качестве материала стройной работы, именно так им подготовленной и задуманной. К. Шлехта указывает на произвольность этой работы. Её порядок малопонятен. Перед нами случайные фрагменты, которые никто не имеет права собирать вместе. Единственный честный способ публикации этого материала состоит в том, чтобы пересмотреть расположение фрагментов, избранное предшествующими издателями, в пользу их хронологического порядка. Именно это пытался сделать Шлехта, – однако, таким способом, который всё ещё можно назвать крайне несовершенным, – в III томе собрания сочинений Ницше, опубликованном собственными усилиями Шлехты, где впервые, мы избавляемся от наваждения в виде главного труда

Ницше, – созданного насильно, идеологизирующего едва ли понятое мышление².

² Нужно еще кое-что сказать о другой инициативе госпожи Фёрстер-Ницше, об инициативе, не столько страшной, сколько грязной. Мы поняли уже, что ей не стоит доверять. От Овербека, Бернулли, Подахы мы знаем, что она запросто могла что угодно сделать с текстами Ницше. Мы знаем об её интригах в печальном деле Лу. При этом тем, кто оспаривал её право выступать от имени Ницше, а равно право определять окончательное содержание его мысли, она отвечала, показывая письма, в которых брат назначал её своим главным доверенным лицом. Оригиналы этих писем исчезли, но нет сомнений, что они были подлинными. И только после её смерти в 1935 году, Шлехта с помощью Е. Тирбаха и В. Хоппа прояснил эту тайну, обнаружив ряд ницшевских черновиков. Письма, действительно, принадлежали Ницше, но адресованы они были его матери или Мальвиде фон Мейзенбург. Стало быть, эта странная женщина, его сестра, присвоила себе эти свидетельства доверия Ницше, свидетельства, которые ей не предназначались, затем, чтобы найти в них моральное или логическое оправдание своим действиям. Она уничтожила оригиналы и достаточно грубо подретушировала черновики (почему она их не уничтожила? Несомненно, по той причине, что они подтверждали подлинность писем, как и не выведенное чернильное пятно, не удивительное в случае Ницше, чья близорукость делала его неловким). Все эти фальсификации требовали решительности и энергии, которых у этой дамы было не занимать. Почти с уверенностью можно сказать, что она уничтожила важные биографические документы и, в частности, медицинские свидетельства, которые могли бы пролить свет на заболевание Ницше. Ср. работу Р. Бланка, упоминающего о лечении сифилиса, которое Ницше проходил в Лейпциге. Нужно ли прибавить к словам комментаторов, судящих о том, что было бы несправедливо завышать злополучие роли той, кто так заботится о семейном благочестии, тот факт, что именно Элизабет Фёрстер-Ницше и никто другой была тем персонажем, который, в конце концов, вносил в эту историю ещё больше неразберихи? Для меня решающим является то, что для тех, кто пережил приход Гитлера к власти, использование имени Ницше относится не к некоей гипотетической истории, но составляло часть повседневного политического опыта. Это заметно по газетам. 4 ноября 1933 года некоторые из нас ознакомились через прессу

Морис БЛАНШО / Maurice BLANCHOT

| Ницше сегодня / Nietzsche, today |

Почему судьба Ницше оказалась в руках фальсификаторов? Почему этот ум, который выше всего ставил честность исследования, оказался жертвой манипуляций, которых он заблаговременно пытался избежать: «Прежде всего, не смешивайте меня ни с кем ...» «У нас есть привычка принимать меня за другого. Вы оказали бы мне большую услугу, если бы защитили меня от такого рода путаницы». Однако, он также говорил: «Каждый глубокий мыслитель больше боится не быть непонятым, но быть плохо понятым». Откуда этот тип мошенничества, позволяющий – не без искренних намерений – рассматривать компиляцию издателей как главную работу автора? Всё из-за предрассудков, и, прежде всего, из-за предубеждения, что нет великого философа без систематического главного труда. Конечно, госпожа Фёрстер-Ницше продемонстрировала свою неспособность понять масштаб того мышления, которое она хотела видеть запечатлённым в хорошей солидной работе, а не в книгах, выглядевших в её глазах легкомысленными по причине их чересчур литературной формы, – как будто сам способ мышления и

со следующей информацией: «Прежде чем покинуть Веймар и отправиться в Эссен канцлер Гитлер нанес визит госпоже Элизабет Фёрстер-Ницше, сестре известного философа. Пожилая дама преподнесла ему в подарок трость, принадлежавшую ее брату. Господин Гитлер с интересом выслушал воспоминания, относящиеся к Бисмарку в 1879 году, которому доктор Фёрстер, зять Ницше и пропагандист антисемитизма, указывал на опасности, «грозящие Германии из-за преобладания в ней еврейского духа». Именно в тот день (2 ноября 1933 года) Гитлер сфотографировался в Веймаре рядом с бюстом Ницше, и эту фотографию Ричард Олер включил позже в свою книгу «Ницше и будущее Германии», в которой он представил Ницше как своего рода автора предисловия к «Mein Kampf». Ричард Олер, близкий семье Ницше, играл важную роль в «Архиве-Ницше» и при Элизабет Фёрстер, чей преклонный возраст (86 лет) снимает с неё, как минимум применительно к данному мероприятию, долю ответственности.

письма у Ницше не был принципиально фрагментарным. К. Шлехта вслед за этим написал частично справедливые замечания: Ницше переполняло бесконечное число ясных, отделённых друг от друга и предельно точно сформулированных идей, каждая из которых жила как отдельный маленький организм. Их едва держащееся единство было тайным желанием целого, которое – в лице Ницше – всегда оставалось наличным, существуя украдкой и мучительно. Оно выражает себя через определенное направление, осязаемое в каждом тексте, – направление, ориентирующее этот текст. Однако, время от времени случается так, что за счет чарующей силы «названия» многие из этих организмов объединяются в большую группу, оказывающуюся, в свою очередь, также живой. Этот процесс свершается ¹³³ чрезвычайно быстро: как выкристаллизовывающиеся отделения перенасыщенного маточного раствора, произведение мгновенно становится видимым и существующим. Кристаллизация, которая редко проходит успешно. Некий план отброшен, не исключая, что впоследствии он может появиться вновь, тогда как материал, для которого этот план задумывался, используется в других работах. Именно это произошло с «Волей к власти», проанонсированной на обложке «По ту сторону добра и зла», и позже брошенной ради поздних «полемических» сочинений. (Ниже я предложу совершенно иную интерпретацию «фрагментарного письма»³).

³ В 1969 году в издательстве Галлимар выходит «Бесконечная беседа» («L'entretien infini») Мориса Бланшо, увесистый том, в котором, среди прочего, содержится триптих о Ницше «Размышления о нигилизме» («Réflexions sur le nihilisme»), состоящий из «Ницше, сегодня», а также из статей «Переход черты» («Passage de la ligne») и «Ницше и фрагментарное письмо» («Nietzsche et l'écriture fragmentaire»). Соответственно, обещание Мориса Бланшо предложить «ниже» «совершенно иную интерпретацию «фрагментарного письма» касается не нашей статьи, а статьи «Ницше и фрагментарное пись-

Морис БЛАНШО / Maurice BLANCHOT

| Ницше сегодня / Nietzsche, today |

Теперь понятно, до какой степени издателям не хватало совести, а равно чуткости ума, когда они бесцеремонно заняли место Ницше и беспардонно подменили творческий процесс кристаллизации грубой работой компиляции. Точно также они полагали, что придадут ценность его философии, если создадут главную работу, которая всегда будет оставаться её центром, и для создания которой у самого Ницше якобы просто не хватило времени. В его наследии нет ничего подобного. Несомненно, имело место искажение, оно не находит никакого оправдания, кроме, на мой взгляд, следующего: иногда даже Ницше уступал всеобщим предрассудкам, и, как если бы он страдал от потребности писать фрагментарно, казалось, соблазнялся – в те годы, когда он особенно хотел быть услышанным, – идеей выражения своих мыслей при помощи более традиционного языка и в более систематичной форме. По крайней мере, он об этом говорил. И он был пойман на слове. Это его доля ответственности.

Несмотря на то, что «Воля к власти», не являлась сочинением Ницше, и в нём нет никакой центральной мысли, которая бы ни была уже настолько же подробно, глубоко и тонко выражена в работах, созданных им при жизни⁴, можно с полным правом утверждать, что, не являясь его рабо-

мо», русский перевод которой выполнен Виктором Лапицким. См. Бланшо М. Ницше и фрагментарное письмо // Пер. В.Е. Лапицкого/ Новое литературное обозрение. М., 2003. - №61. С. 166-187. (Прим. переводчика).

⁴ Это именно то, о чем говорил еще А. Ламм в 1906-м, который уже тогда выступал против переосмысления посмертных текстов. Но поскольку он был знаком только с частью из них, то его утверждения следует поставить под вопрос. Ламм (как и Шлехта) не признает, причем не признает весьма определенно, не только то новое, что вносится переделанными или повторяющимися версиями одной и той же идеи, на и сам смысл повторения: его новое отношение к смыслу.

той, но всё же допускаемая им, эта книга – своей легко доступной формой – позволяла производить упрощенные интерпретации, мало-помалу создававшие миф о единстве философии Ницше. Посмертному наследию Ницше, говорит Шлехта, не хватает второго голоса, такого ценного для тайного диалога, который Ницше вёл с самим собой: оно все делает грубым, упрощает, отсюда его сила. Естественно, это утверждение есть также упрощение. Однако верно то, что Ницше стал жертвой излишнего интереса, который проявляется в нас по отношению к тем книгам, которых у нас нет не по причине деятельности автора при жизни, но по причине его смерти. Как же странно, что самые крупные литературные знаменитости нашего времени рождаются лишь из посмертных работ: Кафка, Симона Вейль, Хопкинс, или частично Гёльдерлин, Рембо, Лотреамон, Тракль, Музиль, и в более жестоком смысле: Ницше. Мы любим советовать писателям: ничего не оставляйте после себя, сами уничтожайте то, что как вам кажется, не должно появиться, не будьте слабыми, никому не доверяйте; однажды ваши идеи обязательно будут искажены. В случае Ницше безумие, из-за которого он внезапно оказался во власти других, которое предоставило другим массу разнообразных записей, придало пережившим его словам неожиданную ценность и ложное звучание, позволило думать, что в этих словах якобы скрыта тайна и истина, ради которой он сошел с ума. Мы видим, что совершенно разные предрассудки объединяются ради того, чтобы отпраздновать в Ницше триумф того Ницше, которого он нам не оставлял: прежде всего, здесь возникает идея, что ему удалось придать своему мышлению догматическое выражение, способное сделать это мышление влиятельным; потом, тут еще та мысль, – возникающая по ту сторону понимания и разума, подкрепленная авторитетом

134

Морис БЛАНШО / Maurice BLANCHOT

| Ницше сегодня / Nietzsche, today |

тетом звучащего из могилы голоса пророка, – что эта философия говорит от имени судьбы.⁵

⁵ Полагаю, необходимо ещё раз напомнить, что намного раньше Шлехты и, как минимум, начиная с 1936 года – в течение серии лекций о Ницше, периодически читавшихся с 1936 по 1939 (опубликованных в двух томах в 1961 году) – Хайдеггер весьма настойчиво и обоснованно затрагивал вопрос об ответственности издателей за публикации текстов Ницше. Упомянулось, что само по себе знаково, *das sogennante* «Hauptwerk», так называемый «главный труд» Ницше, в составлении которого Хайдеггер, в весьма важной главе (стр. 481 и след. первого тома), обнаруживает произвольность выбора и распределения ницшевских фрагментов, взятых из 1884-1888 годов и опубликованных под названием «Воля к власти», несмотря на то, что «мысль о воле к власти только время от времени выходила у Ницше на передний план». «Вследствие этого произвольного выбора, на деле пытавшегося опираться на более чем приблизительные планы Ницше, философия Ницше стала философией воли к власти» (в ущерб идее о вечном возвращении).

Что нам делать с работой, названной «Воля к власти», спрашивает Хайдеггер. Мы должны сопоставить неопровержимые факты: 1) Ницше, несмотря на свои заявления, никогда не создавал такой книги; 2) к тому же, в конце концов, он забросил и сами эти планы, и название (...). Поэтому, если мы хотим вновь обрести наиболее существенное, присущее не опубликованным работам Ницше, то для нас «Воля к власти» не будет иметь решающего значения. Даже её план – это только одна из всего множества его мыслей. Хайдеггер добавляет еще одно важное замечание: «Главный труд» никогда не создавался; он не только не был создан, но он никогда и не предполагался быть созданным как некий новоевропейский философский «труд» (Декарт, Кант, Гегель).

Почему этот демарш мысли, ориентированный на создание «Воли к власти» не разрешился в работе, которая бы имела классическую структуру? Ответ уже готов: говорят, что мыслитель не способен в одиночку объять такой предмет, который бы включал логику, этику, эстетику, философию языка, политическую и религиозную философию. Или же говорят о том, что сам Ницше не был способен для систематической философии, и что ему оставалось только высказывать свое недоверие всем систематическим мыслителям. Говорят, что Ницше ока-

зался жертвой серьёзного внутреннего и внешнего давления, такого, что он не мог не поддаться соблазну начать немедленно действовать и оценивать. Добавляют, что именно в те годы, когда его заботила «систематизация» размышлений о воли к власти, способность работать и концентрироваться ему изменила. В итоге, Хайдеггер замечает, что эти аргументы справедливы *при условии* наличия предпосылки, что Ницше работал над чем-то что должно было стать «отдельным произведением» и, в особенности, в форме философского *Hauptwerk*. Предпосылки, у которой нет оснований и которая даже неправдоподобна (*unwahr*), поскольку она противоречит тому, на что делалась ставка в «Воле к власти». Даже если Ницше в своих письмах (в особенности, адресованных его сестре) говорил о некоем «Hauptwerk», этого недостаточно, чтобы оправдывать такой «прецедент».

Ницше отлично понимал, что его близкие не в состоянии оценить, что именно он силился высказать. Таким образом, слово «незавершенность» здесь неуместно, потому что не способно обрести иного смысла, кроме следующего: как будто внутренняя форма уникальной мысли отказывала бы мыслителю, но, возможно, не отказывала бы самой себе. Возможно, этот отказ (*Versagen*), встречается у тех, кто хоронит (*verschütten*) движение мысли под преждевременными и случайными интерпретациями. То, что Ницше оставил после себя не публикуя, эти «наброски», «предварительную работу», «Bruchstück», «фрагменты» можно трактовать так, единственно, лишь на основании произвольных предпосылок о предполагаемом труде, подлежащем завершению. Иначе никак. Если данная предпосылка от начала до конца безосновательна, не согласуется с основополагающей идеей этого мыслителя, *тогда* следы посмертных мыслей принимают совершенно другой характер. Или, если быть осторожнее: изначально вопрос должен ставиться таким образом, чтобы понять, как эти следы или эти прыжки мысли нам должно принять, чтобы мы смогли их осмыслить вне наших интеллектуальных привычек. Хайдеггер заключает: «Таким образом, эта книга не является «работой» Ницше (...). Конечно, она может служить основой для исследования этого уникального мышления – *при условии*, что мы заранее и совершенно определенно освобождаемся от того порядка изложения фрагментов, который установлен в опубликованном варианте этой книги». Хайдеггер отмечает, что и он, в любом случае, тоже будет следовать *очевидно* произвольному порядку, но он, по крайней мере, избегает смешения (*Durcheinandermengen*) фрагментов, принадлежащих совершенно разным эпохам, тогда как это смешение было привычным делом при публикации доступных на сей день посмертных фрагментов. В другом месте (в начале лекций) Хайдеггер также говорит: 1) Не преднамеренно, но располагая эти записи друг за другом, относящиеся к различным рукописям или к различным частям одной рукописи, издатели вводят нас в заблуждение. 2) Лишь издание, соответствующее хроно-

135

Морис БЛАНШО / Maurice BLANCHOT

| Ницше сегодня / Nietzsche, today |

Ясперс первым открыл перед нами те принципы, которым мы должны следовать при интерпретации Ницше, если не хотим оказаться причастными тем силам, с которыми он не переставал сражаться. Противоречивость – основная черта его мышления; каждый раз, когда он что-либо утверждает, необходимо выявлять связь этого утверждения с тем, чему оно противоречит; решающая черта всех утверждений Ницше состоит в их взаимном споре, в преодолении спора и в возвращении к нему. Я не знаю, что в опыте его мышления заявляло

логическому порядку, может считаться удовлетворительным.

Полагаю, что эти суждения Хайдеггера должны бы были положить конец сомнениям, которые некоторые комментаторы, вследствие своей необъяснимой привязанности к прошлому, продолжают высказывать относительно общей критической публикации наследия Ницше, публикации, очевидно необходимой: мы еще не закончили разбираться с Ницше и даже с публикациями его текстов. Я бы еще добавил, что в этих лекциях Хайдеггера мы могли услышать предостережение о возможности использования философии Ницше властью имущими представителями режима. Напомню: «У нас нет права эксплуатировать философию Ницше, чтобы она служила на пользу современным фальшивомонетчикам мысли», при этом лектор говорит о политических интерпретациях «Воли к власти», которые возможны только если мы «раздавим» эту мысль или начисто и без труда её вычеркнем.

Именно это в 1939-м для некоторых слушателей должно было звучать ясно и отчетливо, как призыв и предостережение. Можно вспомнить тех, кто прошел мимо главного «политического» текста Хайдеггера ноября 1933 (оставленный без внимания многими вплоть до публикации Гвидо Шнеебергера в 1960-м), текста правдивого и во всех отношениях устрашающего и прежде всего в следующем отношении: направленный на то, чтобы отдать решающий голос в пользу национал-социализма, он предоставляет Гитлеру *сам язык и само письмо*, посредством которых, – в этот важный момент истории мысли, – мы были приглашены к постановке вопроса, наиболее существенного, способного вывести нас из «Бытия и Времени».

бы о себе как о непостоянстве и беспорядочности; нет никого, кто был бы меньшим скептиком, отказавшимся от идеи спокойного отрицания: опасная серьезность, воля к постоянному «Да», эта воля хочет искать истину в тех глубинах, где истине не чуждо противоречие, – вот почему необходимо, чтобы когда-то все возвращалось.

У Ницше нет ничего, что стояло бы в центре. Центрального сочинения нет – никакого *Hauptwerk*. Однако, мы не можем отнять у него то, что он считает существенным, на том основании, что его существенное видно нам как случайное. Мы также не должны пренебрежительно отбрасывать его посмертные фрагменты, полагая, что в них всего лишь в другой форме выражены мысли, которые ранее им уже высказывались. И теперь, когда мы читаем его книги в хронологическом порядке, мы – несмотря на разнообразные опасения и переменчивую окраску формулировок – убеждаемся в наличии в них некоторой навязчивой монотонности. Нечто фундаментальное пытается себя выразить, тема, одна и та же или не та же, но некая постоянная мысль: как взыскание к центру, без средоточия, ко всеобщему по ту сторону всеобщего, которое недостижимо, но постоянно предлагается и испрашивается, иногда истребуется. Это «всеобщее» не есть ни понятие, ни система. Ни с чем не сравнимая назидательная сила этого всеобщего пробуждает нас для некоей связи, которая будет не системной, но такой, что всё, что с ней связано, окажется сжатым со всех сторон вплоть до стирания всех различий. Чтобы не упустить это всеобщее, говорит Ясперс, необходимо постоянно удерживать вместе мысль и экзистенцию: познание должно обратиться ко всем возможностям и так преодолеть каждую из них, – но для Ницше мало просто познавать, он должен стать тем, о чём он говорит, и в то же время, не задерживаться здесь. Он знает, что это безжалостное преодоление есть

136

Морис БЛАНШО / Maurice BLANCHOT

| Ницше сегодня / Nietzsche, today |

его главная добродетель, и он знает, что это пере-
ступание предела есть главная опасность. «Я все-
гда над бездной». Потребность, по причине кото-
рой Ницше не ограничивался простым осмыслени-
ем своих мыслей, но должен был проживать их од-
ну за другой, есть следствие «реальной диалекти-
ки», присущей ему самому.

Любая интерпретация Ницше должна, та-
ким образом, придерживаться следующих принци-
пов: не останавливаться, пока не найдено то, что
противоречит утверждаемому. Среди противоре-
чий необходимо помнить о всеобщем, как постоян-
но присутствующем, но и как непрерывно уско-
льзающем за противоречиями. Никогда не по-
знавать это всеобщее – всеобщее без единства –
как систему, но только как проблему, и только
страстно, в подлинном порыве, направленном на
критику всего, что могло быть схвачено в процессе
познания. Вновь схватить «реальную диалектику»:
мысль как игру, текст как фрагмент.

Тот, кто читает Ницше с беспокойством и
подозрением, едва ли соблазнится принять его фи-
лософию. Ведь даже Ясперс, столь занятый при-
знанием исключительности Ницше, а в его работах
– наличия непередаваемой силы, именно здесь
рискует изменить ему, рассматривая его всего
лишь как вклад в становление экзистенциальной
философии, для которой он оказывается таким же
предвестником, каким был Кьеркегор. Когда Хай-
деггер не без энтузиазма заявляет противополож-
ное, а именно, что мы должны учиться читать «За-
ратустру» с той же строгостью, с какой мы подхо-
дим к трактатам Аристотеля, или что тип мышле-
ния Ницше не менее точен и не менее субстанци-
ален, чем мышление указанного греческого автора,
он дает нам понять, что Ницше можно уберечь от
того способа понимания, когда существенное оста-
ется забытым. Его работа значительна, и она ис-
ключительно важна, – но не потому что она распо-

ложена поодаль от тех, кто выражает себя в запад-
ноевропейской философии со времен Декарта,
Лейбница, Канта, Шеллинга, Гегеля – а потому,
что она свершает эту историю. «Сближать Ницше
и Кьеркегора, означает не понимать его по сущест-
ву ... Ницше *никогда* не мыслил экзистенциально,
но только метафизически», и уникальная сила его
мышления состоит не в том, что оно выразило себя
в одной метафизической позиции среди многих, но
в том, что оно завершает метафизику, то есть ту
область, где долгое время свершалось то централь-
ное событие, которое он сам именовал нигилиз-
мом. Ницше называл себя последним философом.
Это также может говорить ещё о том, что в своих
глазах он всё ещё философ. Осмыслять его фило-
софию, означает продумывать это завершение фи-
лософии, но принимая этот факт серьёзно и серьёз-
но принимая то, что он говорит, когда речь у него
идет о воле к власти, сверхчеловеке, вечном воз-
вращении, – не ограничиваясь рассмотрением ли-
тературных образов или поиском формулировок,
нацеленных на раскрытие некоторых невыразимых
экзистенциальных опытов.

Этот призыв к строгости есть требование
признать действительное величие Ницше. Исполь-
зование его философии в политике не так огорчает,
как ложное рвение и сентиментальная экзальтация,
которая в некоторых кругах превратила самое сво-
бодное мышление в религию. Если Лукач в своей
достаточно ранней работе⁶ изобличает его как

⁶ Это эссе впервые появилось в томе, названном
«Beiträge zur Geschichte der Ästhetik», «Вклад в историю
эстетики». В другой работе, а именно, в «Разрушении
разума», Лукач посвящает одну из глав эту тему о Ницше.
Это предание суду присяжных. Идея книги явно поле-
мична. Лукач пытается обнаружить, какими путями в
области философии Германия пришла к Гитлеру и стала
избранной родиной врагов разума. Часто возникает
странное впечатление, что книга написана не Лукачем, а
Моррасом.

Морис БЛАНШО / Maurice BLANCHOT

| Ницше сегодня / Nietzsche, today |

предвестника фашистской эстетики, принимая, в общем, тот факт, что читать его нужно так же, как мы читаем работы льстецов Третьего Рейха, то этого нам не найти в иступленном языке от Бертрама⁷, цитирующего Ницше услужливо и убийственно. Для Лукача Ницше тоже находится в конце одного мира и в начале другого. Постоянные противоречия его мышления оказываются не только признаками поиска, который хочет все испытать, но они отражают противоречия Европы накануне периода империализма. Ницше, ведущий бой против культуры и искусства своей эпохи, есть, прежде всего, продолжатель романтической традиции. Как все романтические критики он борется против фетишизма современной цивилизации, чтобы противопоставить ей культуру более примитивного уровня в экономическом и социальном смысле. Но на этом он не останавливается. Он презирает цивилизацию своего времени, поскольку она помещает в своё основание элементы капитализма, способствующие деградации (механизацию, разделение труда), однако, поскольку этот капитализм кажется ему ещё недостаточно развитым, он презирает её еще больше. Таким образом, он одновременно и мечтательно-грустный романтик прошлых эпох, и глашатай империализма, не желающий ни ограничений классовой общности, ни патриархальных отношений между начальниками и рабочими, но имеющий, по большей части, в качестве идеала превосходство развитых и просвещенных капиталистов, превосходство, которое осуществлялось бы над армией простых, как солдаты, работников.

Главным ощущением для него как для романтика было ощущение вырождения человека, которое осуществлялось капитализмом, пытав-

шимся снижать всё до уровня вещи. Это изменение высвободило избыток анархических чувств, не имеющих ни корней, ни целей; оно в то же время истощило любовь к жизни, спровоцировало избыточную интеллектуализацию и общий упадок духа.

Во всей философии Ницше Лукач видит, таким образом, психологию, раздутую до мифа личной истории: поворот судьбы человека, который изначально был заложником современной ему эпохи декаданса (глубокое почитание Шопенгауэра и Вагнера; иллюзии по поводу империи Бисмарка), который впоследствии испытал на себе ошибочность своих первоначальных убеждений, и, в конце концов, устремился к их преодолению. Ницше всего лишь перевел свой личный опыт – поиск здоровья внутри болезни – в философию истории и культуры. Отсюда искренность и достоверность. Однако, говоря объективно, за этим опытом нет ничего, кроме иллюзии в отношении своих способностей преодолеть противоречия капиталистической реальности посредством мифа о развитом капитализме, империализме. Между тем, эта мифологизация бесполезна; она позволила Ницше скрыть капиталистический характер его утопии (сверхчеловек, воля к власти) и представить её как средство борьбы против собственно капитализма. Таким образом, она выглядит как нечто в историческом смысле новое, в чем есть революционная сила, проявившая себя в событиях XX века. Несомненно, Ницше не несет ответственности за чрезмерно низменное содержание, которым наполнился его миф, однако в мифе содержание не является тем, что важно; то, что говорит миф, есть только творческий акт, произведение без дискурса, императивный язык страсти без самого языка. Ницше, освобождая силу мифа, тем самым оправдал всё то, что делало действенным его собственный миф, всё то, что быстро деградировало до мифологизации

138

⁷ См. Бертрам Э. Ницше: опыт мифологии. – СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2013. (Прим. переводчика).

Морис БЛАНШО / Maurice BLANCHOT

| Ницше сегодня / Nietzsche, today |

героя, потом до мифологизации деятельных личностей, потом до мифологизации Гитлера ...

Пусть критика Ницше, в конце концов, станет критикой его мифа – его философия в этом случае только выиграет. Лукач показал, что одно из его достоинств состоит в том – в случае мыслителя высшего ранга, – чтобы не смягчать острые противоречия, чтобы доводить противоречия своего времени до парадоксальной истины, которую время не хочет являть; противоречия, которые остаются нашими противоречиями, противоречиями современности. И если он, по большей части, был движим своими позитивными идеями, переодетыми в форму мифа, то ведь именно миф позволял забыть силу его критики, а равно строгость, с которой он разоблачал мир – наш мир, – обнаруживая в нем не заурядное и слабое, его веру, его предрассудки, но то, что есть в нем сильного и существенного: его заботу об истине, его потребность в познании, универсальное совершенство, к которому он стремится. Тот, кто хочет науки, должен также хотеть последствия науки; он должен поэтому, в итоге, хотеть нигилизма: это и есть предупреждение, оставленное Ницше своим современникам,

которые останавливались на мифе Ницше, чтобы не слышать его самого. Хайдеггер очень волнующе говорил: один из самых тихих и робких людей мучительно страдал от необходимости кричать (загадка на загадке): крик грозного предзнаменования, утонувшего в болтовне. Предупреждение Ницше, «этот записанный крик его мысли», оформленный в такой неприятной книге как «Заратустра», в конце концов, потерялось из-за двух следующих обстоятельств: мы его не слышали, мы его слишком хорошо слышали; нигилизм стал общим местом мысли и литературы. Однако, в тот момент, когда мы вдруг с удивлением замечаем, что опасность, которой мы подвергаем познание, не имеет отношения к стилю, или когда мы в то же время лицемерно прилагаем все силы, чтобы сохранить все преимущества науки, не принимая в расчет её рисков, именно тогда, наверно, нужно взывать к храбрости и безжалостной честности духа Ницше.

139

Перевод Игоря Короткова

